

Семейные интриги

Глубокой ночью Деревня Большого Ковша погрузилась в безмятежный сон. Лишь в траве у домов то и дело раздавалось задорное «ква-ква», но этот лягушачий хор только подчёркивал царившую вокруг тишину.

Под эту незатейливую природную музыку Ли Сяосяо, укрывшись одеялом по самую грудь, смиренно лежал на кровати. Зажмурив глаза, он упорно считал овец:

«Девяносто девять, сто, сто одна...»

Сбившись с мыслей, он недовольно поморщился:

«Тьфу, нет, всё заново».

«Одна овца, две овцы, три...»

Время тянулось бесконечно, счёт давно пошёл на сотни, но сон так и не шёл. Напротив, чем сильнее Сяосяо пытался заставить себя уснуть, тем бодрее себя чувствовал. Разум прояснялся с каждой минутой, прогоняя даже намёк на дрему.

— Вот же проклятье, неужели переутомился до такой степени, что теперь не уснуть? — недовольно проворчал он.

Раздражённо вздохнув, он отбросил бесполезное занятие. Сбросив одеяло, он повернулся на бок, пытаясь устроиться поудобнее.

Странно: когда он ещё топтался у корыта на кухне, смывая жир с тарелок, веки буквально слипались от усталости. А теперь — ни в одном глазу. Уставившись в тёмный потолок, Сяосяо закинул руки за голову и ногу на ногу и принялся меланхолично покачивать ступнёй, предаваясь размышлениям.

А ведь вечер прошёл не зря. Пока они с мачехой Ши-ши возились на кухне, он успел разузнать немало деревенских сплетен. Оказалось, А-Мэй тоже купили у старосты. Они с А-Фэй были, можно сказать, куриной версией неразлучников, знакомых с самого нежного, цыплячьего возраста. То-то Сяосяо удивлялся, почему вечно сердитая и драчливая А-Мэй терпит присутствие бездельника А-Фэй и даже позволяет ему склёвывать остатки корма, который сама же и выкапывала из земли.

Сяосяо усмехнулся про себя. Надо же, куры у старосты прямо-таки уникальные — как ни птица, так первостатейный жирный лежебока. Из разговоров с мачехой он понял, что семья Чжан Аню лакомила курятиной чаще всех в Деревне Большого Ковша.

Всей деревне это, конечно, не давало покоя от зависти, но сама хозяйка дома, жена старосты Ли-ши, по словам Ши-ши, была от этого вовсе не в восторге. Она не раз жаловалась подругам, что хоть их семья и живёт справнее прочих, они вовсе не настолько богаты, чтобы каждые пару месяцев рубить по курице. Ей и самой хотелось бы поумерить траты — ведь какая выгода от пустых деликатесов? Куда разумнее дожидаться яиц или продать птицу на ярмарке. Выгодно? Ещё как! Вот только суровая деревенская реальность в лице самого старосты диктовала свои условия.

Ши-ши тогда разложил Сяосяо всё по полочкам. Беда заключалась в том, что в последние годы куры у старосты наотрез отказывались нестись. К тому же молодые петушки, которых оставляли на племя, раз за разом вырастали никчёмными, ленивыми и невероятно жирными. В итоге хозяйке ничего не оставалось, кроме как пускать этих пернатых тунеядцев под топор.

Ситуацию усугублял сам староста, который души не чаял в своих внуках. Стоило в курятнике завестись очередной ленивой несущке вроде А-Мэй, он наотрез запрещал нести её на базар.

— Режь! — заявлял он супруге. — Сами съедим, детям полезно.

Так их двор и прослыл самым прожорливым по части птицы во всей округе.

Само собой, такие исключительные экземпляры, как увалень А-Фэй, попадались куда реже обычных ленивых наседок, но если уж такой вырастал — староста и слышать не хотел о продаже. Всё-таки петушиное мясо силу мужикам дарует, дело известное. Ши-ши тогда только вздохнул: мол, купить эту парочку ему удалось лишь благодаря хорошим отношениям со старостихой, которая сама настойчиво навязывала товар, лишь бы сбыть с рук обузу.

Мачеха сочувственно кивал, вспоминая сокрушения соседки. Ещё бы не сочувствовать! Когда две птицы разом приходят в негодность, для любого крестьянского двора это и удар по карману, и лишние хлопоты. Однако Сяосяо, выслушав эту трагическую историю, едва сдержал улыбку. В голове у него вертелось только одно слово: «Гений!»

Поражённый перипетиями судьбы своих подопечных, он с любопытством спросил:

— Надо же... А чем дядя Чжан их кормит, что они так жиреют? Это же талант нужен!

Дядей Чжаном он назвал старосту Чжан Аню, которого его отец обычно именовал Чжаном Шестым. Сяосяо прекрасно знал: куры перестают нестись в основном от ожирения. А человек, способный так раскормить птицу обычным зерном, в будущем — когда его собственное дело пойдёт в гору — стал бы просто незаменимым птичником на его ферме!

Размечтавшись, Сяосяо даже отложил в сторону недомытую миску и уставился на мачеху в ожидании ответа. Кто же этот непризнанный гений птицеводства в доме старосты?

Однако при этом вопросе Ши-ши выглядел весьма странно. Он замялся, явно не зная, стоит ли говорить. Лишь после недолгих колебаний мачеха, опасливо оглянувшись, заговорщицки прошептал свои подозрения, взяв с пасынка клятвенное обещание держать язык за зубами.

Если эти слухи поползут по деревне, в семье старосты разразится нешуточная буря. А когда Сяосяо услышал саму разгадку, то и вовсе потерял дар речи.

По словам Ши-ши, главным подозреваемым в преднамеренном закармливании птицы была невестка старосты — Сяо Ли-ши. Хозяйка дома уже давно точила на неё зуб, считая виновницей всех бед.

Эта Сяо Ли-ши с самого первого дня замужества проявляла к курятнику подозрительно нежную заботу. Стоило какой-нибудь несушке зажиреть и перестать нестись, как невестка тут же бежала докладывать свёкру. Старостиха злилась, но сделать ничего не могла: Сяо Ли-ши приходилась ей родной племянницей по материнской линии, да к тому же родила любимого внука Эртоу. Устраивать открытый скандал было не с руки. Однако сколько бы свекровь ни сыпала намёками, ругая кошку, чтобы проучить собаку, молодая женщина пропускала всё мимо ушей. Она с удвоенным рвением рвалась кормить птицу и, что самое возмутительное, в конце концов обучила этому хитрому ремеслу быстрого откорма своего сынишку Эртоу!

Глядя, как невестка с внуком на пару изводят курятник, бедная Ли-ши едва сдерживала слёзы. Ладно невестку можно было прогнать от корыта, но как запретишь любимому внуку помогать по хозяйству? Каждый раз, когда староста принимался нахваливать маленького Эртоу за трудолюбие, Ли-ши хваталась за сердце — у неё буквально дыхание перехватывало от подступающей ярости.

В конце концов, рассудив, что здоровье дороже, старостиха решила умыть руки. Она перестала следить за проделками этой парочки, но стоило очередной птице заплыть жиром, как Ли-ши тут же принималась расспрашивать соседей, не нужен ли кому живой товар. Так ей удавалось сбывать курей до того, как муж скомандует пустить их на суп, и возвращать хотя бы половину потраченного. Собственно, А-Фэй и А-Мэй, ставшие первыми «работниками» на ферме Сяосяо, как раз и были той самой спасённой прибылью.

Этой маленькой победой над невесткой старостиха невероятно гордилась. Ши-ши взахлёб пересказал ещё парочку эпизодов из этого затяжного противостояния двух хозяек, а под конец с облегчением прижал ладонь к груди: слава богу, мол, что в их семье Ли нет такой пронырливой молодницы, не то наплакались бы они горя.

Сяосяо слушал всё это, буквально разинув рот от удивления. Настоящие семейные войны, ни больше ни меньше!

Надо же, на какие ухищрения шла Сяо Ли-ши ради лишней плошки наваристого бульона! И кто бы мог подумать, что за плечами его новоиспечённых помощников, А-Фэй и А-Мэй, кроется такая захватывающая драма.

<http://bllate.org/book/20616/2213560>